

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 128/129
doi: 10.17223/15617793/519/7

Преодоление власти времени: метафизика смерти в исповедальной прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского

Марина Борисовна Красильникова¹

¹ Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Рубцовск, Россия, krasilnikovamb@mail.ru

Аннотация. Исследуются поиски вневременных оснований конечной, обусловленной временем жизни человека в религиозно-философских построениях Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Рассмотрено влияние христианской традиции и культурно-исторического контекста на формирование взглядов писателей, на их понимание проблемы «порога» бытия. Материалом для исследования стала исповедальная проза, соединяющая в себе глубокое личностное осмысление метафизики смерти и отклик авторов на комплекс идей современности.
Ключевые слова: культура, исповедальная проза, религия, смерть, бессмертие, ценности, нравственность

Для цитирования: Красильникова М.Б. Преодоление власти времени: метафизика смерти в исповедальной прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 56–62. doi: 10.17223/15617793/519/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/7

Overcoming the power of time: The metaphysics of death in Tolstoy's and Dostoevsky's confessional prose

Marina B. Krasilnikova¹

¹ Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk, Russian Federation, krasilnikovamb@mail.ru

Abstract. The understanding of death as a threshold of being reflects the uniqueness of a culture, its deep-seated value and meaning codes, and the emphases placed by a particular epoch. The work of Tolstoy and Dostoevsky is connected to that period in Russian culture when the rational-scientific worldview asserted its right to define the essence and purpose of human life, eliminating its transcendental conditionality. This situation would be interpreted by the writers and would largely predetermine their quest for answers to questions about the boundaries of human existence, not only in the realm of reason but also in the sphere of religion. The material for analyzing the writers' religious-philosophical constructions became their confessional prose. For Tolstoy, this is primarily *A Confession*, and the treatises "On Life" and "What I Believe." In Dostoevsky's work, this is *A Writer's Diary*. It is in these texts that the authors' views and judgments are presented directly. It is important to understand that these texts are not only confession but also publicist writing. This narrative principle allows us to see the embeddedness of the authors' thought in the cultural context. The writers' reflections are presented as religious-philosophical quests. In their judgments, both oppose the emerging dictate of scientific-rational views on human nature, yet at the same time, they step beyond the boundaries of the Christian tradition. Tolstoy creates a "new" religion, "corrects" the Christian version of overcoming death, and provides his own reading of canonical texts. The starting point of his teaching was impersonalism. He has no doctrine of individual immortality; he speaks of the immortality of humanity. Overcoming death is possible only by renouncing personal consciousness, by incorporating personal life into "universal" life. Man communes with the unitary World-Absolute through practical moral and rational activity. In contrast to Tolstoy, Dostoevsky's focus is always on the personality. His worldview is characterized by anthropocentrism. In *A Writer's Diary*, the author addresses a series of real events and stories in which death becomes a reflection of the understanding of the essence of man. The threshold situation (suicide, reflection on death), created by the author or taken from life, is accompanied by an exposition of the author's own views. The writer proceeds from the premise that man is included in the world order of nature but can and must rise above this order. The uniqueness of human existence requires a guarantee of eternity, rooted in a higher principle. The ultimate questions about man are comprehended and resolved by two equally great writers in the context of the main ideas of the era. But if Tolstoy responds to the challenges of the era monologically—with a teaching that must be heard and understood, Dostoevsky's thought is woven into the polyphony of the era's ideas, framed in debate, inquiry, and dialogue.

Keywords: culture, confessional prose, religion, death, immortality, values, morality

For citation: Krasilnikova, M.B. (2025) Overcoming the power of time: The metaphysics of death in Tolstoy's and Dostoevsky's confessional prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 56–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/7

Каждая культура и каждая историческая эпоха по-своему отвечают на вопросы о пределах бытия человека, о временной обусловленности его жизни. В «переживании» смерти как порога бытия, в идеях преодоления времени отражается своеобразие культуры, ее глубинные установки и те акценты, которые расставляет определенная эпоха. Не случайно Ю. Лотман полагал, что концепция смерти, реализуемая в определенной культуре, является зеркальным отражением свойственной ей концепции жизни [1. С. 210].

Типологически русская культура опирается на христианскую религиозную традицию, которой свойственна постоянная память о Вечности во времени. Смерть, указывающая на принадлежность человека миру времени, осознается в христианской традиции как «последнее зло», но вместе с тем и как освобождение от подавленности временем и переход к жизни вечной. В русской православной культуре укоренена метафора «закатного часа» как мистического рубежа, соединяющего грани времени и Вечности.

Православная традиция является существенным пластом отечественной культуры, но не перекрывает ее полностью. Начиная уже с XVIII в. под влиянием рационалистических, натуралистических идей формируются иные ценностные разметки, определяющие понимание смерти и бессмертия.

Человек второй половины XVIII в. устремлен в своих помыслах к рациональному объяснению сюжета смерти. Показателен в этом плане трактат Н.А. Радищева «О человеке, его смерти и бессмертии», где он писал: «Смерть есть не что иное, как естественная переменна человеческого состояния», уточняя, что «перемена» эта общая, к ней причастны не только люди, но и животные, растения и «другие вещества». Рассматривая человека как часть природного мира, писатель пытается найти рационально-нравственное объяснение «возможности человеческого бытия по смерти» [2. С. 379].

В христианском учении надвременность человека определяется признанием реальности трансцендентного мира. Рубеж XVIII–XIX вв. в целом отмечен возросшей сосредоточенностью культуры на «земной» ценности жизни [1. С. 210]. Вечность была потеснена злободневностью и текучестью времени. Со второй половины XIX в. достаточно внятно обозначился процесс освобождения человека от трансцендентной обусловленности, от детерминации высшей «скрепляющей идеей». Такая сознательная отмена сверхчувственных ценностей задавала новое прочтение проблемы смерти-бессмертия. Научное рациональное познание заявило о собственных возможностях определять суть и конечную цель жизни человека. Оправдание временности-конечности человека в новой культурно-исторической ситуации определяется идеями, уходящими от христианской традиции: идеей совершенствования мира, прогресса, бесконечности человечества в целом и т.д.

Однако нельзя не признать того, что нововременной рационализм с его трактовкой границ бытия человека не отменил потребности самого человека в поиске тех основ, которые оправдывали бы его существование перед лицом смерти. Русская культура конца XIX в. порождает комплекс идей, где рационально-научное объяснение соседствует с религиозным осмыслением «порога» бытия. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский – писатели, равнозначные по таланту и напряженности мысли, – стали «главными фигурами» религиозных исканий конца XIX в. [3. С. 114]. Творчество писателей совпало по времени с той эпохой развития русской мысли и культуры в целом, когда трансцендентные ценности под влиянием рационализма утрачивали значение смыслообразующих целей. Эта ситуация будет осмыслена Толстым и Достоевским и предопределил их поиски ответов на вопрос о границах бытия человека не только в сфере разума, но и в сфере веры.

Тема «величайшего метафизика» – смерти, разрешающей вопрос о конце и начале, о смысле и бессмыслице, предстала в творчестве Толстого и Достоевского одной из ведущих и получила глубокое личностное осмысление. Особенно личностно она звучит в исповедальной прозе, в повествовании от лица самого автора, где открывается опыт его духовной жизни. Для Толстого это в первую очередь «Исповедь», трактаты «О жизни», «В чем моя вера?». В творчестве Достоевского это «Дневник писателя». Безусловно, в определенной мере исповедальность присуща всему творчеству писателей, но именно в этих работах их взгляды, суждения, размышления представлены непосредственно, даны от первого лица. Наблюдения за событиями современности и их оценка, заданная авторской позицией, позволяет называть эту прозу публицистической. Соединение, казалось бы, несоединимых начал – исповедального и публицистического – дает возможность увидеть глубоко личные переживания и суждения писателей в социокультурном и историческом контексте, в контексте идей эпохи.

Исповедальная проза соответствует зрелому периоду творчества Толстого. После издания «Исповеди» (1879–1882), в которой запечатлен «внутренний переворот» и поиск веры, он работает над трактатом «В чем моя вера» (1884), где излагает свое новое миропонимание.

В художественно-философском мире Л. Толстого можно обнаружить целый комплекс противоречий. Здесь сошлись полярные точки: поиски высших, религиозных обоснований бытия человека и стремление рационально понять само христианство, потребность обоснования бессмертия для человека конкретного, а не для безликой «бесконечности» и яркий антиперсонализм. Неудовлетворенность секулярной культурой станет отправной точкой религиозных поисков писателя. В размышлениях Толстого отражается не только смятение духа самого автора – это и эпохальная примета, реакция на ограничение секуляризмом духовного измерения человека.

«Исповедь» раскрывает опыт движения мысли писателя от сомнения и растерянности к обретению веры. Толстой глубоко лично переживает трагизм человеческого бытия. Он стремится найти «первопричину», оправдывающую конечность жизни человека, ибо власть смерти превращает жизнь в бессмыслицу. Центральный вопрос своих размышлений Толстой обозначил так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?»; «...какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире?» [4. С. 53, 76]. Ответ на главный вопрос требует, по мысли писателя, разрешения противоречий между временным и вечным: «Нужно и дорого разрешение противоречия конечного с бесконечным...» [4. С. 81]. Толстой осознает необходимость определения тех оснований жизни человека, которые лежат за пределами его природной сущности, временной обусловленности. Во многом мировоззрение писателя предопределено рационализмом XVIII в., достижением которого в веке XIX стало утверждение «здорового смысла» высшим судьей во всех вопросах. Однако Толстой уверен, что рационально-научное, «разумное» знание оказывается бессильным в разрешении главного вопроса, поставленного им в «Исповеди». Он отвергает попытки «разумного оправдания» конечное существование человека тем, что он есть часть бесконечного: «Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл» [4. С. 60]. Рациональное знание предлагает изучать бесконечные по времени и сложности изменения бесконечных частиц в бесконечном пространстве, выводя законы развития и совершенствования, но, как полагает Толстой, не дает ответ на вопрос о конечной причине [4. С. 57]. Писатель ищет оправдания жизни человека вне логики прогресса. По мысли Толстого, бессильными в разрешении «главного вопроса» оказываются не только опытные науки, но и умозрительное знание, которое хотя и рассматривает человека по отношению к конечной причине, но вместо ответов задает те же вопросы, только в усложненной форме [4. С. 58]. Учения мудрых (Соломона, Будды, Сократа, Шопенгауэра) не стали для писателя прибежищем, они лишь породили еще большие сомнения.

В поисках смысла «конечного существования в бесконечном мире» писатель выходит за границы рациональных и умозрительных объяснений, утверждает в мысли о том, что ответы на его вопросы лежат не в области разума, а в области веры. Возможность преодоления конечности, смертности человека Толстой пытается найти, опираясь на христианское учение, но своеобразно им понятое и истолкованное. Об этом трактат «В чем моя вера?». Толстой говорит о своем понимании учения Христа, о том, как ему открылся путь примирения временного с вечным, позволяющий преодолеть состояние ужаса перед жизнью и смертью [4. С. 118].

Писатель ставит своей целью основание «новой» религии, «соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности... не обещающей будущее блаженство, но дающей

блаженство на земле» [4. С. 10]. Парадоксальным образом отрицание упрощенного, ограниченного разумным знанием понимания человека соединяется в религиозно-философских сочинениях Толстого с рационализмом, упрощающим само христианское учение. Он пытается дать рациональное объяснение тому, что, по его же утверждениям, выходит за границы разума. Создаваемая им своеобразная «теология», характеризующаяся неясностью уже в определении Абсолюта. Сам писатель осознавал эту неясность: «Есть ли Бог? Не знаю. Знаю, что есть закон моего духовного существа. Источник, причину этого закона я называю Богом» [4. С. 16–17]. По оценке В.В. Зеньковского, Толстой создает собственную метафизику на основе некоторых положений христианства, и это учение в определенной мере созвучно духу рационализма, который он, казалось бы, не приемлет [5. С. 450]. В линиях этой «самодельной» веры Толстой разрешает вопрос о противоречии конечного и бесконечного в судьбе человека.

В христианском учении надвременность человека определяется признанием реальности трансцендентного мира, тезисом о двуприродности человека и таинством воскресения. Но Толстой далек от традиционного христианского понимания смерти и воскресения, от православного «богочувствования» закатного часа. Писатель равнодушен к христианской идее преображения. Он убежден, что догмат о воскресении, обещающий жизнь вечную, обесценивает жизнь настоящую, т.е. «здесьнюю», лишает ее содержательности такой предустановленностью и в конце концов отрицает ее. Мир и жизнь человека не «двор постоялый», лишь попусторонностью оправдываемый, это ошибочное понимание христианского учения, утверждает Толстой [4. С. 231]. Особенность взглядов Толстого проявляется и в том, что он отрицает бессмертие индивидуальное, не верит в возможность личностного воскресения. Писатель дает свою трактовку библейских текстов: «...никогда Христос не только ни одним словом не утверждал личное воскресение и бессмертие личности за гробом, но и тому восстановлению из мертвых в царстве Мессии, которое основали фарисеи, придавал значение, исключаящее представление о личном воскресении» [4. С. 241].

Возможность преодоления природности, временности человека он видит не в христианском «смертию смерть поправ», не в «потустороннем» бессмертии (то есть смертью же обусловленном), а в «спасении» жизни личной перенесением ее в «общую жизнь». В.В. Розанов обратил внимание на то, религия Голгофы («поздней бесконечности», т.е. вечности воскресения) чужда мысли Толстого. Ему гораздо ближе «Вифлеемская» сторона бытия – религия «семьи», «яслей» [6. С. 445]. Жизнь частная подчинена времени, а поэтому конечна и подвержена распаду, полагает Толстой. Он убежден, что возможность освобождения от детерминации временем и обретения единства с миром вечным открывается лишь при помещении призрачной частной жизни в жизнь всего человечества, «сына человеческого», живущего по воле Отца [4. С. 251].

В поисках надвременного начала, дающего обоснование конечной жизни человека, Толстой приходит к

признанию Абсолюта, но не в христианской традиции, не трансцендентного, а являющего собой «неограниченное все», куда человек включен как ограниченная временем часть. Такое понимание делает возможным утверждение вечности в человеке, но не в отдельной личности, а в универсальном Мире, неподвластном времени.

Какова основа включенности человека в «общее бытие», которым преодолевается смерть? Христианское учение для Толстого есть, в первую очередь, учение о сыне человеческом, понимаемое им как «общее всем людям стремление к благу», опирающееся на «общем всем людям» разум [4. С. 224–225]. Поэтому вечность для человека открывается его приобщением к Миру-Абсолюту разумно-нравственной жизнью. Таким образом, Толстой признает права разума (понимаемого в широком смысле) на участие в оправдании смысла бытия человека. В христианском учении он видит метафизический, общечеловеческий и, наконец, практический смысл – самый простой и ясный, определяющий смысл жизни каждого человека и лежащий в основе преодоления власти смерти над ним. В истолковании Толстого смысл этот определен так: «Христос учил людей не делать глупостей» [4. С. 287]. Толстой полагает, что человек, ограниченное временным бытием смертное существо, содержит в себе Бога как желание блага всему существующему. Истинное предназначение человека, по мысли писателя, состоит в том, чтобы преодолеть в себе желание блага для себя и возвыситься до божественного принципа желания блага всему существующему, что возможно на основе «разумного» сознания. Только отказом от личностного сознания, препятствующего соединению с Миром, побеждается страх смерти.

Толстой создает свое религиозное нравственно-этическое учение с оглядкой на современный ему мир. Он откликается на значимые события современности, те, которые волнуют его самого. В исповедальной прозе он выступает как публицист, обозначая ряд проблем общественной жизни. Для Толстого преодоление расколотости мира и власти смерти в нем возможно разумно-нравственной жизнью, но существенной проблемой современного писателю «цивилизованного общества», как он это видит, становится отсутствие каких-либо внятно выраженных нравственных основ, отсутствие разумно-нравственного учения о жизни. Более того, Толстой с горечью отмечает, что в современном мире нет и осознания их нужности. По утверждению писателя, объяснение смысла жизни сводится в современных ему учениях к «гаданиям» об ее историческом ходе. А что касается религии, отмечает Толстой, то «цивилизованное большинство» остается с одной верой – в городского и урядника [4. С. 223, 318–319], т.е. нравственный закон уступает место социальному регламенту. Таким образом, религиозная проблематика поиска оснований, наполняющих жизнь человека смыслом, приводит Толстого к проблематике социальной.

Исповедально-публицистический принцип повествования позволяет увидеть включенность мысли авторов в культурно-исторический контекст.

Толстой отвечает на вызовы эпохи «монологически» – учением, отражающим его миропонимание. Вопросы, которые появляются в его трактатах, отражают ход мысли писателя, адресованы они самому себе. Стремясь понять «конечные истины» о человеке, Толстой открывает свой личный духовный опыт, опыт внутреннего переживания. «Дневник писателя» у Достоевского менее исповедален, чем трактаты Толстого, здесь в большей степени проявляется публицистическое начало, интерес к современности. Функция исповедальности в отдельных главах передается персонажам, которые имеют самостоятельный, собственный взгляд на мир и имеют свою логику суждений. Их голосом озвучены те проблемы, которые волнуют писателя. Это предполагает диалогичность как принцип ведения повествования. Но диалогичность у Достоевского имеет и иное свойство. М. Бахтин писал: «Достоевский обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего именно диалогические отношения между голосами, их диалогическое взаимодействие» [7. С. 60–61]. Бахтин говорит о том, что Достоевский умел услышать как признанные, «громкие» голоса эпохи, т.е. господствующие идеи (официальные и неофициальные), так и голоса еще слабые, пока еще широкой публикой не воспринятые, идеи, еще не оформленные полностью. Мысль писателя вплетена в «многоголосье» современности. Диалоги эпохи звучат в обрамлении авторских комментариев. Идеи, выхваченные из действительности, суждения, в которых отражаются интеллектуальные поиски своего времени, объединены голосом автора, его миропониманием. Во многом это дневник общественной жизни, представленной через личностное восприятие писателя, через личный опыт. Тема человека, смерти-бессмертия разворачивается в «Дневнике» через споры, полемику с общественной мыслью.

В отличие от Толстого, фокусом миропонимания которого является «совокупное бытие», в центре внимания Достоевского всегда оказывается личность. Его миропонимание характеризуется исключительным антропологизмом и антропоцентризмом. Если для Толстого преодоление временности отдельного человека возможно растворением личности в безличном Мире-Абсолюте, то для Достоевского конечное и вечное сосредоточено в самой личности. Бердяев считал религиозную метафизику Достоевского более глубокой и более христианской по сравнению с метафизикой Толстого, в основе которой лежит морально-этическое учение [3. С. 115]. И еще одно замечание философа о творчестве двух писателей: «Толстого не мучит вопрос о человеке, его мучит лишь вопрос о Боге. Для Достоевского же вопрос о Боге связан с вопросом о человеке» [8].

Достоевский, как и Толстой, выходит за границы традиционного христианства в представлениях о смерти – бессмертии человека. Следуя во многом христианской традиции, он стремится разрешить противоречия конечного и вечного в «сомыслии» или в споре со свойственными духу эпохи общественными идеями.

Одна из таких идей, ставшая «эмблемой» современности, – «разумный спрос», запрос на рациональное объяснение всего, в том числе и человека [9. С. 320]. Доминирование «разумного спроса» отодвигает на второй план мораль и «высшую идею», следствием чего стало новое измерение человека, в котором он представлен не как «образ и подобие», а как предмет строго научного осмысления.

Так же, как и Толстой, Достоевский полагал, что «закон разумной необходимости», претендующий на замещение прежней высшей идеи человеческого существования, которая исходила из сферы религии, не в состоянии объяснить природу человека. Для него неприемлема высокомерная «прямолинейная простота» понимания человека в духе рационализма [9. С. 320–322]. Писатель уверен, что утрата трансцендентного плана или отказ от него приводит лишь к «логическому» объяснению мира и предельно упрощает вопрос о «концах и началах»: «Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это все еще пока для человека фантастическое» [9. С. 323]. Низложение «вертикали», определяющей разметку ценностей, ставит вопрос о жизни и смерти человека.

Тема смерти – бессмертия получает осмысление в «Дневнике писателя», в первую очередь, в контексте сюжетов о самоубийстве. Добровольный уход из жизни – это вызов и жизни, и смерти. Фрагмент дневника за 1876 г. (январь) начинается с размышлений автора о самоубийстве как феномене века, в котором отражается упрощенное понимание природы человека, делающее возможным «своевольный» уход из жизни без рефлексии и «гамлетовских вопросов». Такому «безмыслию» Достоевский противопоставляет историю самоубийства Вертера, персонажа произведения Гёте, который перед тем, как свести счеты с жизнью, прощается с созвездием Большой Медведицы. В этом прощании заложен глубокий смысл. Герой осознает, что «бездна таинственных чудес божиих не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия...» [9. С. 107]. Счастьем осознавать высшее начало герой Гёте обязан «своему лику человеческому», данному Богом. Из этой точки, из этого «онтологического превознесения» человека строится в целом метафизика Достоевского. Однако влияние идеи рационально-логического объяснения человека таково, что сам человек от такого «превознесения» отказывается. Проблематика смерти – бессмертия осмысливается Достоевским с учетом этого факта, характерного для эпохи.

В «Дневнике писателя» автор обращается к ряду реальных событий, историй, в которых смерть становится отражением понимания сущности человека. Пороговая ситуация (самоубийство, готовность свести счеты с жизнью), создаваемая или взятая автором из жизни, определена социальными условиями, идеями персонажей. При этом она становится источником авторских размышлений, основой для изложения взглядов самого писателя. В первую очередь это главы «Два самоубийства», «Приговор», «Запоздавшее нравоучение», «Голословное утверждение», «О самоубийстве и

высокомерии», по тематике к ним примыкает глава «Сон смешного человека».

В главе «Два самоубийства» истории девушек, «своеволием» ушедших из жизни, вписаны в социальный контекст. Обе истории реальны: в первом случае дана ссылка на одного из «уважаемых корреспондентов» [9. С. 323, 550]; второй сюжет взят из петербургских газет. В первой истории девушка, «дочь одного слишком известного русского эмигранта» (А.И. Герцена, как указано в комментариях), как подчеркивает автор, «русская по крови, но почти уже совсем не русская по воспитанию», уходит из жизни, оставив предсмертную записку, «написанную, конечно, на французском» [9. С. 323–324]. Для автора важно указание на иноязычность – «инородность» идеи, приведшей к трагическому «самоволию». Достоевский видит в этом демонстративном поступке протест, вызов, негодование, которые исходят из возмущения души «прямолинейностью» явлений: «Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного» [9. С. 324].

Поступок барышни из высшего сословия представляется некой эксцентричной выходкой, ироничным «выходом» из того мира, где утрачена высшая инстанция, в соотношении с которой регламентируется ценностный мир человека. Еще раз Достоевский возвращается к этой истории в главе «О самоубийстве и высокомерии», анализируя ее не как частный случай, а как болезнь века. «Эпидемическое истребление себя», проявившееся в интеллектуальной среде и вызванное утратой трансцендентного начала или высокомерным отказом от него, писатель рассматривает как явление современности, требующее, по его мысли, серьезного изучения [9. С. 357]. Вторая история («смирненное самоубийство») повествует о том, как из окна выбросилась девушка-швея, потому что «не могла приискать себе для пропитания работы». Выбросилась, держа в руках образ. Автор подчеркивает: «Этот образ в руках – странная и неслышанная еще в самоубийстве черта!» [9. С. 324]. Это самоубийство не имеет ничего общего со строго рациональным, «прямолинейным» осмыслением мира и человека в нем. Две ситуации различаются не только причинами ухода из жизни – самоубийства совершаются в разных системах координат: в одной высшее начало, задающее систему ценностей, упразднено; в другой – это высшая инстанция, как ни парадоксально, определяет логику поступка и оправдывает его: «...стало нельзя жить, “бог не захотел” и – умерла, помолвившись» [9. С. 325].

Две истории продолжают тематически главой «Приговор». В исповеди «самоубийцы от скуки, разумеется, матерьялиста» дано подробное логическое объяснение ухода из жизни «под условием грозящего завтра нуля». «Логическое самоубийство» представляет собой бунт против неотменяемых законов природы, с которыми бессмысленно бороться, но и невозможно примириться до конца. Человек, существо природное, обладает сознанием, поднимающим его над природным миром, и это делает его существом трагическим. Природа с ее «какими-то там всемогущими и

вечными, мертвыми законами» подчиняет себе сознательного также, как и бессознательные существа [9. С. 326]. Но сознание говорит о конечности – человека, мира. Идея «грядущего счастья» не снимает трагизма конечности бытия отдельного человека. Отказ от жизни «самоубийцы от скуки» мотивирован отсутствием веры в вечное – как в человеке, так и в человечестве: «...планета наша не вечна, и человечеству срок – такой же миг, как и мне» [9. С. 326]. Вечны только законы природы, по которым «как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, – все это тоже приравняется завтра к тому же нулю» [9. С. 326]. Вопрос о цели и предназначении человека перед лицом этих «мертвых законов» остается без ответа, отсюда и трагический вывод героя: «...ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?» [9. С. 325–326]. Существование человека, обусловленное лишь законами природы, «самоубийца от скуки» считает глупой комедией, переносить которую для него унизительно, и, не находя рационального обоснования своего существования, он отказывается от участия в ней.

Логический самоубийца «метафизически обижен» (А. Камю) вечными законами природы, в которые он включен как элемент бытия. Но сама обида, очевидно, возможна только в том случае, если есть представление об ином, неэкспериментальном бытии. Суждения персонажа свидетельствуют о его внутренней потребности в ином измерении, о том, что в самой природе человека есть такая потребность в постановке вопроса о пределах и смысле бытия человека. Таким образом, парадоксально – «своеволием» смерти – ставится вопрос о необходимости вневременных обоснований временной жизни человека.

«Приговор» был опубликован без комментариев автора. Но восприятие и оценка читающей публикой этой главы были таковы, что потребовали пояснений. Комментарии были даны в статьях «Запоздавшее нравоучение», «Голословные утверждения». Достоевский проговаривает те мысли, идеи, которые он вложил в «Приговор», но которые остались непонятыми. Беда и ошибка «логического самоубийцы» заключается в потере веры в бессмертие, поясняет автор. Именно это приводит героя к убеждению в полной нелепости его существования на земле [9. С. 348–350]. Писатель называет идею бессмертия высшей идеей человеческого существования: «...высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой...» [9. С. 349]. Его логика обоснования бессмертия человека такова: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, и самое бессмертие души человеческой существует несомненно» [9. С. 351].

Исповедь «самоубийцы от скуки» появилась в «Дневнике писателя» в 1876 г., а спустя полгода после «Приговора» Достоевский публикует «Сон смешного человека».

В этом фрагменте, фантастическом рассказе вновь отчетливо показана болезнь века – отсутствие «высшей идеи». Мир утратил «горнее» свое измерение, превратился в плоскость, где «все равно». Потеряв веру в Бога и бессмертия, человек признает свое существование

бессмысленным. Осознание того, что «на свете везде все равно», приводит «смешного человека» к мысли о самоубийстве. Но исполнить принятое решение мешает встретившаяся ему на пути домой испуганная, несчастная девочка, просившая о помощи. «Смешной человек» не откликается на ее просьбу, потому что «положил в эту ночь убить себя», и ему ни до чего нет дела. Твердая уверенность покончить с собой должна была упразднить все моральные вопросы. Возможны ли вопросы морали и этики перед лицом смерти, уничтожающей человека и весь его мир? Но герой испытывает чувство жалости и стыда, что не позволяет ему завершить задуманное. Мотив бессмысленности морали в ситуации пограничности получает свое разрешение экспериментально – оказывается, человеку не «все равно», ему присуща внутренняя потребность в системе ценностей. И пороговая ситуация не упраздняет этой потребности. Концепция морального равнодушия «смешного человека», во многом продиктованная утратой «скрепляющей идеи», терпит крушение под влиянием переживаний, которых, исходя из ее логики, не должно быть.

Согласно мысли Достоевского, существование высшего начала определяется потребностью человека в нем, необходимостью ценностной разметки. Выведение реальности трансцендентного начала из потребности человека не соответствует христианскому учению. Но, по мысли писателя, именно эта потребность и есть залог «онтологического превознесения» человека, указывающего на возможность преодоления его обусловленности временем. Преодоление власти времени Достоевский считает не только возможным, но необходимым, предопределенным самой сущностью человека, поднимающейся над природным началом. Человек включен в природный порядок, но он не только может, но и должен быть от него независимым.

В «исповедальной прозе» Толстого и Достоевского религиозная по своей сути проблематика временности – вечности человека осмысливается в современном им культурно-историческом контексте. При определенном различии взглядов в ее разрешении писатели принадлежат к одной культурно-смысловой парадигме, одной эпохе, центральным событием которой стало «освобождение» человека, эмпирической личности от трансцендентного начала и поиск новых оснований, «точки опоры» для человека.

Творчество писателей включено в интеллектуальные поиски своего времени и во многом перекликается с идеями религиозной философии, русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв., а в чем-то и предваряет их. Мысль Толстого о преодолении конечности бытия растворением во «всечеловечности» имеет некоторое сходство с учением о всеединстве позднего В. Соловьева. Суждения писателя о «коллективном» спасении созвучны идеям «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, хотя Толстой не принимает и не может принять мысль философа о «воскрешении отцов», так как, по его мысли, «потустороннего» бессмертия нет. Религиозно-философские построения Достоевского дают начало новой антропологии. Он задает некий вариант неохристианской метафизики, которая позже будет представлена в философии религиозного экзистенциализма.

В споре с идеями секулярного модерна русские писатели создают свои версии учения о смерти и бессмертии человека, которые базируются на религиозном взгляде на мир, но выходят за пределы традиционных христианских воззрений.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX век). СПб. : Искусство, 1994. 339 с.
2. Радищев А.Н. О человеке, его смерти и бессмертии // Русская философия второй половины XVIII века / сост. и прим. Б.В. Емельянова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 400 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 87–155.
4. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л. : Худож. лит., 1990. 416 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии : В 2 т. Ростов н/Д : Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
6. Розанов В.В. Уединенное. М. : Политиздат, 1990. 543 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm> (дата обращения: 10.06.2024).
8. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-otkrovenie-o-cheloveke-v-tvorchestve.htm> (дата обращения: 13.06.2024).
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М. : Современник, 1989. 557 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII–XIX vek)* [Conversations on Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th–19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo.
2. Radischev, A.N. (1990) *O cheloveke, ego smerti i bessmertii* [On Man, His Mortality and Immortality]. In: Emelyanov, B.V. (comp.) **Russkaya filosofiya vtoroy poloviny XVIII veka** [Russian Philosophy of the Second Half of the 18th Century]. Sverdlovsk: Ural University Press.
3. Berdyayev, N.A. (1990) *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. *Voprosy filosofii*. (2). pp. 87–155.
4. Tolstoy, L.N. (1990) *Ispoved'. V chem moya vera?* [A Confession. What I Believe?]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Zenkovsky, V.V. (1999) *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. In 2 vols. Vol. 1. Rostov-on-Don: Feniks.
6. Rozanov, V.V. (1990) *Uedinennoe* [Solitaria]. Moscow: Politizdat.
7. Bakhtin, M.M. (n.d.) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. [Online] Available from: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm> (Accessed: 10.06.2024).
8. Berdyayev, N.A. (n.d.) *Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [The Revelation about Man in the Works of Dostoevsky]. [Online] Available from: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-otkrovenie-o-cheloveke-v-tvorchestve.htm> (Accessed: 13.06.2024).
9. Dostoevsky, F.M. (1989) *Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy* [A Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow: Sovremennik.

Информация об авторе:

Красильникова М.Б. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рубцовского индустриального института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Рубцовск, Россия). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.B. Krasilnikova, Cand. Sci. (Philosophy), associate profesor, Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.*

*The article was submitted 11.11.2024;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.*